

**РЕФЛЕКСИИ ВОКРУГ РОМАНА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
«ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»**

Жаркова В.И., Конвисарова Л.А.

Историко-литературная наука о Салтыкове-Щедрине находится сегодня в напряженных поисках. Она ищет новые и действенные пути проникновения в природу его искусства, его художественного воображения.

Литературоведение в разные времена представляло С.-Щедрина то народником, то славянофилом, то утопическим социалистом, то либералом, то марксистом, то революционером. Но художественная система великого сатирика, его «эстетическая реальность», личность высоко возвышаются над многими доктринами и учениями.

Не может не трогать в наш век дефицита веры его убежденность в способность общества к нравственному совершенствованию. Он заявлял: «Сказать человеку толком, что он человек, – на одном этом предприятии может изойти кровью сердце. Дать человеку возможность различать справедливое от несправедливого – для достижения этого одного можно душу свою погубить. Задачи разъяснения громадны и почти непрístupны, но зато какие изумительные горизонты! Какое восторженное, полное непрерывного горения существование!»

С. Маканин, известный исследователь творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина, приводит в своей статье «Уроки Щедрина» оценки и суждения современников писателя. Вот некоторые из них: «Великий диагност наших общественных зол и недугов» (И. Сеченов); «Прокурор русской общественной жизни и защитник России от врагов внутренних» («Искра»); «Маяк для всей наиболее умственно независимой части населения» (Н. Шелгунов); «Сократ русской общественной мысли» (А. Ухтомский); «Радетель о русской земле» (Г. Успенский); «У Вас есть все, что нужно, – статный, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у Вас одних <...> и по содержанию – любовь и потому знание истинных интересов жизни народа» (Л. Толстой); «Открыто презирать умел один только Салтыков» (А. Чехов).

Сегодня обществу необходимо вести большую духовно-очистительную работу. Его страстная проповедь высших ценностных

ориентаций не должна игнорироваться. Историк Я.Л. Барсков справедливо писал: «Я убежден, что многие способны заново переродиться после знакомства с Салтыковым <...> так он велик, могуч, крепок...»

В.В. Розанов – личность сложная и противоречивая – в дневнике записал: «Целую жизнь я отрицал тебя в каком-то ужасе, но ты предстал мне теперь в своей полной истине. Щедрин, беру тебя и благословляю».

В наши беспокойные дни возникла необходимость заново обратиться к литературному наследию С.-Щедрина. Особый интерес представляет роман «Господа Головлевы» (1875–1880). Он вызывает у современного читателя сильные эстетические впечатления, особенно поражает сложность образа Иудушки Головлева.

Приведём некоторые суждения учёных относительно осмысления «трагического элемента» в романе, связанного с Иудушкой Головлёвым. Л.В. Овчинникова пишет: «Мастерство и сила Щедрина-художника проявились в том, как он завершил судьбу своего героя: проснувшаяся в Иудушке совесть стала для него не путем к спасению, а мучительной агонией».

Привлекает мысль В.И. Кулешова о том, что «вера Иудушки в черта ведет к важным психологическим усложнениям образа: ведь на Страстной неделе, на всенощной, евангельская притча об искуплении вины страданием пронзила его сознание, на время усовестила: «Чутьочку Салтыков показывает нам и в Иудушке живого человека. В тишине, растерянно оглядываясь, он вопрошает: «Что такое? Что такое сделалось?.. Где... все?..». «Головлевский хозяин, гонимый мстительной совестью, замерз на улице, когда побрел на могилу матери» [1].

Составитель учебного пособия «Вся русская литература» (2003) И.Л. Копылов, анализируя трагический элемент в картине предсмертных переживаний Иудушки, придерживается аналогичной характеристики. В пособии читаем: «Совесть пробудилась в Иудушке, но слишком поздно и потому бесплодно, пробудилась тогда, когда хищник завершил

круг своих преступлений и стоял одной ногой в могиле. Только теперь, когда он увидел перед собой признак неотвратимой смерти, когда наступил момент «расчета», только теперь пробуждается «одионая совесть», и это пробуждение является лишь одним из симптомов физического умирания.

Проблеск совести у Иудушки – это лишь момент предсмертной агонии, это та форма личной трагедии, которая порождается только страхом смерти, которая поэтому остается бесплодной, исключает возможность нравственного возрождения и лишь ускоряет «развязку», «саморазрушение личности».

Вообще человеческие факторы стыда, совести будут волновать великого писателя на протяжении всего творчества. Эти проблемы требуют самостоятельного изучения. Примечательны последние страницы романа «Современная идиллия»:

«Говорят, что Стыд очищает людей, – и я охотно этому верю. Но когда мне говорят, что действие Стыда захватывает далеко, что Стыд воспитывает и побеждает, – я оглядываюсь кругом, припоминаю те изолированные призывы Стыда, которые, от времени до времени, прорывались среди масс Бесстыжества, а затем все-таки канули в вечность... и уклоняюсь от ответа».

По справедливому мнению О.В. Евдокимовой, «Господа Головлевы» нередко вступают в переключку с произведениями современной прозы. Так, в книге В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» (2000) читатели усматривают литературный след Салтыкова-Щедрина; писателем разработан во многом щедринский концепт «пустоты», соединяющий в себе предметно-бытовой и метафорические значения [2].

Верно замечание исследовательницы о том, что главный герой Иудушка больше не пугает и не поражает читателей своей крайней необычностью и читатель готов разделить мнение актера И.М. Смоктуновского, состоящее в том, что Салтыков-Щедрин писал не про какого-то чудовищного человека, стоящего особняком среди людей, но про каждого из людей.

В осмыслении высокоталантливой книги можно отметить несколько аспектов изучения. И.Б. Павлова рассматривает роман «Господа Головлевы» в контексте русского семейного романа и семейных хроник (Тема семьи и рода

у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи. – М., 1999); А.А. Колесников соотносит роман с евангельским – шире – библейским текстом, акцентируя внимание на теме «блудного сына» (Переосмысление архетипа «блудного сына» в романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Писатель, творчество: современное восприятие. – Курск, 1999).

В статье современного автора Г.Ф. Самосюк исследуются библеизмы в структуре образа Иудушки Головлева («Библеизмы в структуре образа Иудушки Головлева // Литературоведение и журналистика. – Саратов, 2000).

В работе И.А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе (Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. – Петрозаводск, 1994) обозначилось новое направление: еще не пройденный путь интерпретации романа. Объяснение художественных смыслов, извлекаемых Салтыковым-Щедриним из «цитирования» священных текстов, располагается в области православной филологической критики. По мнению ученого, финальное «пробуждение совести» Порфирия Головлева совершается в духе православного представления о человеке».

В 2010 году появилась оригинальная статья О.В. Евдокимовой «К описанию «эстетического объекта» романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (Санкт-Петербург). Исследовательница, оставаясь в рамках имманентного анализа, показала сущностные стороны высокой трагедии в «Господах Головлевых», определила одно из условий восприятия романа в качестве эстетического объекта.

Ею исследовано романное многоголосие, образующее особый предмет изображения. Глубоко мотивирована мысль о том, что и в романе, и в сказке С.-Щедрина «Христова ночь» Иуда и человек поставлены близко друг к другу, соединены в неразрывную тройственную связь. В трагедии три героя.

О.В. Евдокимова отмечает, что понятие масштаб трагедии в романе «Господа Головлевы» поможет «Книга Иуды» (Антология. – СПб, 2001). В нее вошли труды отцов и учителей церкви (Оригена Александрийского, св.Ефрема Сирина), апокрифы, литературно-богословские эссе (профессора Московской духовной академии М.Д. Муретова), сочине-

ния писателей К. Брентано, А. Франса, Д. Мережковского, Л. Андреева, В. Розанова и др.). «В предисловии к «Книге Иуды», – отмечает исследовательница, – трагедия, в которой участвуют Христос, Иуда и человек, отнесена к тайне «Боговоплощения и искушения грехов человечества».

Для русской литературы такой смысл трагедии стал очевидным в XX веке.

Д. Мережковский, например, заключает свои рассуждения на эту тему характерными выводами: «...камни в Иуду надо кидать осторожнее – слишком к нему близок Иисус; камни в Иуду надо бы кидать осторожнее: слишком, увы, близко к нему всё человечество. Только в себя заглянув бесстрашно–глубоко, мы, может быть, увидим и узнаем Предателя».

Выявленная поэтика обнаруживает масштаб трагедии. Убеждает ее вывод о том, что «низкий быт и высокая трагедия, пустословие и творчество, реальность и фантазия, беспредельность и точка, свет и тьма, грех и прощение, Иуда и Христос – ни одно из этих противоречий не разрешается в романе Салтыкова-Щедрина в линейной перспективе. Тему прощения ведет за собой тема греха, бытие Иудушки взывает к Христу. Важно не то, как прощен Иудушка: совершенно или нет. Важна сама трагическая неразъятость греха и прощения, устойчивая неизменность этой антиномии. Самое наличие неснятых противоречий необходимо воспринимать как осознанный ху-

дожественный принцип, восходящий к Пушкину и образующий в романе качество глубины».

Устремляясь к пониманию романа «Господа Головлевы», студент оказывается вовлеченным в восприятие его художественной целостности, стремится быть причастен к органике художественного целого и через нее – к «живой жизни».

В бахтинской онтологической герменевтике предполагалась такое понимание текста. В одной из теоретических работ он написал: «Важность добраться < ? >, углубиться до творческого ядра личности (в творческом ядре личность продолжает жить, т.е. бессмертна)» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Якушин Н.И., Овчинникова Л.В. Русская литература. Вторая половина XIX века: учебное пособие. – М., 2005.

2 Евдокимова О.В. Историческая поэтика русской литературной классики. – СПб, 2010.

3 Бахтин М.М. Разрозненные листы <1> // Бахтин М.М. Собр.соч.: В 7 т. Т. 6. – С. 433.

Түйін

Мақалада М.Е. Салтыков-Щедриннің «Господа Головлевы» романы меңберіндегі рефлексия қарастырылады.

Conclusion

The article describes reflexions about the novel “The Golovlev’s noble family” by M.E. Saltykov-Shchedrin.